

СРЕДОСТЕНИЕ МЕЖДУ ЦАРЕМ И НАРОДОМ

Одной из серьезных причин расколов и упадка черносотенного движения были козни высших сановников и в целом бюрократии. К тому времени большинству слуг царевых духовно близки были либералы и совершенно чужды охранители-черносотенцы. Правые, конечно, не могли смириться с заигрываниями правительства и других чиновников с врагами Самодержавия. Монархисты критиковали непоследовательность правительства, требовали от чиновников либо публичного исповедания своего монархического мировоззрения, либо ухода в отставку.

Так в 1907 году на одном из частных совещаний в Ярославле руководители монархических организаций заявляли: «Наличность известных конституционных партий, существование которых, очевидно, немыслимо при Самодержавном строе; и открытое их признание правительством, и допущение к участию в Государственной думе является доказательством того, что само правительство как бы колеблется в решении вопроса о существующем строе. Естественным последствием такой неустойчивости правительства должна быть или замена его личного состава лицами убежденными и прямо стоящими за самодержавие, или открытое проявление своих убеждений, ныне скрывааемых по тактическим соображениям».⁶⁵

Правительство в свою очередь взяло курс на провоцирование внутренних неурядиц в черносотенном движении. Методы использовались самые разные. Власти налагали денежные штрафы на монархические издания, запрещали собрания, угрожали судебным преследованием. Вместе с тем приближали к себе готовых к компромиссам лидеров, выборочно выдавали денежные субсидии. К сожалению, активно проводил подобную политику такой талантливый государственный деятель как П.А. Столыпин. По утверждению осведомленного Николая Маркова, председатель правительства «всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в союзе».⁶⁶

Впрочем, действия Столыпина в отношении черной сотни можно понять. Председатель правительства, может быть, и хотел бы опереться на черносотенцев, но деятельность некоторых активистов его пугала. Таких, как монах Илиодор. Однажды в ответ на доклад саратовского губернатора Стремоухова о безобразиях Илиодора глава правительства сказал: «Ужасно то, что в исходных своих положениях Илиодор прав, жида делают революцию, интеллигенция, как Панургово стадо, идет за ними, пресса также, да разве Толстой, подвергнутый им оплеванию, не первый апостол анархизма, но приемы, которыми он действует, и эта безнаказанность все губят и дают полное основание оппозиции говорить, что она права».⁶⁷

Но чиновничество в целом, особенно его высшие слои, откровенно деградировало в духовно-нравственном отношении. Совершенно прав в своей оценке В. Острецов, когда пишет, что «правительственная администрация давно уже предала принципы самодержавия и православия и не хотела поддерживать Союз, как не могла открыто заявить о своей враждебности к нему. Отсюда постоянная половинчатость, недоброжелательство градоначальников, губернаторов, министров внутренних дел и их заместителей, начальников военных округов... Такое отношение действовало деморализующе на рядовых членов Союза, и число отделов правых организаций неуклонно сокращалось. Им не разрешалось устраивать даже благотворительные вечера, отказывалось в разрешении проводить собрания. Давление нарастало по мере приближения к 1917 г.».⁶⁸

Однако среди чиновничества Империи были люди и другого склада – те, кто сохранил в своем сердце веру в Бога и не считал зазорным верно и преданно служить Царю. Одним из таких верных слуг царевых был последний товарищ обер-прокурора Св. Синода Российской Империи князь Николай Жевахов.